

Лишь почитая богов
И храмы побежденных,
Спасутся победители.

Эсхил. «Агамемнон»

ПРОЛОГ

АНКЛАВ: МОСКВА
ТЕРРИТОРИЯ: СИТИ
МОЖЕШЬ ДЕЛАТЬ — ДЕЛАЙ

Если смотреть с Болота¹, например, с последнего уровня кольца, то первым бросается в глаза именно «Угольный Шпиль» — тонкий, без особых изысков небоскреб, по самую макушку облицованный черным стеклом. Двадцать лет уже бросается, исполняя роль пограничного столба Сити и раздражая эстетов непрезентабельной внешностью. Не шпиль, даже, а заурядная линейка, непонятно для чего воткнутая рядом с «Подсолнухом», «Дядей Степой», «Пирамидомом» и прочими красавцами делового сердца Москвы. А если забраться на эту «линейку» и посмотреть на север, то, кроме Болота, можно разглядеть пытящую производствами Колыму и даже Мутабор. Последний, разумеется, только в ясную погоду, но тем не менее — можно. С вершины «Угольного Шпиля» открывался превосходный вид на Анклав, на беспорядочный хаос центра, безыскусные прямоугольники промышленной зоны и аккуратные крыши самой загадочной московской территории. Вид, не считающийся «открыточным» — в отличие от панорамы Сити, — зато честный, без элегантного корпоративного гламура.

Однако люди, что появились на крыше «Уголька», плевать хотели на замечательный вид, они смотрели совсем в другую сторону, на лабиринт делового центра, и кричали друг другу — из-за дикого ветра разговаривать иначе не получалось.

¹ Б о л о т о (*сленг.*) — название одной из территорий Анклава Москва. Значения других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (*Прим. ред.*)

— Патриция! Самый сложный участок — за «Степой»!
Там небоскребы в ряд, получается труба...

— Твою мать, Кимура, я знаю!

Одетая в тщательно пригнанный комбинезон из карбон-шелка, Патриция справлялась с походом по крыше лучше спутника: ветер не рвал штаны, не надувал пузырем куртку, предательски забираясь под короткие полы. Очки позволяли спокойно смотреть, но вот дышалось с трудом, и еще больших усилий требовал разговор.

— Я хотел помочь!

— Заткнись!

Цепляясь за установленные на крыше поручни, Кимура и Патриция медленно двинулись к краю, а в дверях появились две другие фигуры. Еще один парень и еще одна девушка, благоразумно решившие не покидать укрытие.

— Ты идиот! — в очередной раз повторила Матильда. — Ты же знал, что Пэт заведется!

— Я пытался ее остановить!

— Заткнись!

Разные женщины и такие одинаковые...

Рус понимал, что виноват, а потому не злился на Матильду — ругалась подруга по делу. Сидели в мастерской, пили пиво, трепались о самолетах, благо тут же, в ангаре, стоял распотрошенный под полное переоснащение спортивный «Воробей». Потом о прыжках заговорили, тут Рус и ляпнул, что Патриция недотянет до Царского Села, и не замолчал, когда брови девушки удивленно поползли вверх. Теперь расклад простой: с «Уголька» до Царского Села, Сити насквозь. Цена вопроса — пять юаней. В качестве бонуса — злобное шипение любимой женщины.

— Если с Пэт что-нибудь случится, я тебя убью!

«Знаю, знаю...»

И отвернулся, делая вид, что больше всего на свете интересуется действиями Кимуры, который возился с натянутой по периметру крыши металлической сеткой. Но тут же услышал (и снова не в первый раз!) вопрос:

— Ты позвонил?

— Позвонил.

— И что? Где они?

— Позвонить еще раз? — огрызнулся парень.

— Ты...

Кимура, несмотря на сумасшедшие порывы ветра, все-таки справился с сеткой и сразу же ушел влево, подальше от пропасти, на край которой ступила Патриция.

— Поздно! — простонала Матильда. — Звони!

— Теперь уже точно поздно.

Под ногами Патриции — двести метров прямой дороги вниз, к закатанной в асфальт земле, но короткий путь не привлекает. И не пугает. Девушка устремлена не вниз, а вперед. Высота не страшна, высота — лишь физическая величина, позволяющая взять хороший старт.

Пэт задержалась на краю не от страха, а оценивая силу и направление ветра. Порыв, еще один, еще... Предсказать их невероятно сложно, но нужно, потому что Пэт собирается не просто прыгнуть, ее цель — влиться в поток, оседлать гуляющий меж небоскребов ветер, а потому девушка выжидала. И бросилась вперед, почувствовав — не поняв, а именно почувствовав, — что время пришло.

Черная фигура исчезла с края крыши.

— Какого черта нас не арестовали? — простонала Матильда. — Рус, я тебя убью!

Главный кабинет «Пирамидома» находился на самом верху штаб-квартиры московского филиала СБА и представлял собой маленькую пирамиду, вид изнутри: четыре наклонных стены и окна во все стороны. Странное, но своеобразное помещение.

Хозяином главного кабинета был человек, которого все звали Мертвым. За спиной, естественно, звали, вполголоса, но тем не менее — все. А он, в свою очередь, внешне совсем не производил впечатление самого страшного человека Москвы — невысокий, щуплый, с редкими, мышиного цвета волосами и невыразительным лицом: тонкие губы, крючковатый нос, впалые щеки... Самой запоминающейся частью лица были глаза — внимательные, умные, голубые и очень холодные. Но они только подчеркивали общую не-

выразительность, за которую, вполне возможно, хозяина кабинета и наградили его кличкой. Ничего опасного в облике, ничего беспощадного.

И еще он не часто бывал резок, а потому, когда в кабинет без доклада вошел худощавый молодой мужчина в элегантном, но несколько старомодном костюме-тройке, Мертвый лишь поднял голову — он работал с бумагами — и холодно осведомился:

— Да? — Но в этом коротком, негромко прозвучавшем вопросе читалось куда больше смыслов, чем в иной длинной фразе.

Однако на пришельца откровенное неудовольствие хозяина кабинета не произвело особого впечатления. Он невозмутимо поправил квадратные очки и тоже негромко, в тон Мертвому, произнес:

— Безы получили анонимное сообщение о том, что группа хулиганов планирует использовать «Уголек» в качестве парашютной вышки.

Хозяин кабинета-пирамиды — директор московского филиала СБА. Очкарик — Мишенька Щеглов, начальник Управления дознаний и первый заместитель директора. Два высших офицера СБА, по сути — два главных в Москве человека, и сообщение о хулиганах — это последнее, о чем им должны докладывать. В голубых глазах Мертвого загорелись веселые огоньки.

— Это основное сегодняшнее событие?

— Безы хотели арестовать хулиганов, но увидели, что их возглавляет Патриция, и не стали спешить.

Безы московского филиала СБА выдрессированы лучше цирковых собачек, к людям из VIP-списка просто так не лезли.

— Понятно. — Мертвый вздохнул и принялся поправлять тонкие черные перчатки, всегда закрывающие кисти его рук. Документы, судя по всему, перестали заботить главного московского беза. — Высота «Уголька»?

— Двести тридцать четыре метра.

— Хорошо.

В переводе на человеческий: «Достаточно, чтобы парашют раскрылся. Девочке ничего не угрожает». Согласный

с этим выводом Мишенька тем не менее не преминул заметить:

— Опасный трюк.

— Она знает.

Короткое замечание прозвучало приказом. Щеглов снова поправил очки, после чего изложил план действий:

— Встретим Патрицию в точке приземления, отругаем и отпустим. В новостях напишем, что нарушитель приговорен к штрафу. Никаких имен.

— И проследи, чтобы на ее пути не оказалось вертолетов.

— Никаких вертолетов. — Мишенька улыбнулся. — Я уже распорядился. Полеты над всем Сити прекращены, кто знает, куда занесет нашу девочку?

«Альбатрос» — лучший в мире планирующий парашют — бросает тень на глухие окна небоскребов. Издевается, демонстрируя, что высота придумана для полета и офисам под облаками делать нечего. Дразнит. Манит. Поет гимн свободе и... отчаянной, балансирующей на грани безумия храбрости. Тень «Альбатроса» скользит по лицам подбежавших к окнам людей и говорит: «Вы никогда не повторите трюк, но, черт возьми, смотрите — это возможно!» И некоторые слышат.

Одни смеются и тычут пальцами. Другие называют парашютиста хулиганом. Прикидывают, останется ли он жив? Подсчитывают размер штрафа, который наложат на него безы. Сообщают о происшествии в СБА и новостные каналы, ругаются, что не успели вовремя: полет уже показывают в прямом эфире... Но некоторые, некоторые слышат гимн, что парашютист поет свободе и... отчаянной, балансирующей на грани безумия храбрости.

Некоторые говорят себе: «Я хочу так же!»

И парашютист их слышит.

Тот самый парашютист, что прыгает с одного потока на другой, держит высоту и рвется вперед. Тот самый парашютист, что уверенно закладывает виражи, следуя вдоль улиц, но высоко, очень высоко над мостовыми. Девушка, сосредоточенная на управлении «Альбатросом», слышит

не произнесенные вслух фразы: «Я хочу так же!», и вдруг понимает, что не уязвленное самолюбие стало причиной полета.

Тень «Альбатроса» напоминает, что мы все еще люди.

А человек, которого все зовут Мертвый, уподобляется зевакам. Он стоит у окна и смотрит на парашютиста до тех пор, пока тот не скрывается за соседним небоскребом. Но не уходит, продолжает стоять, словно надеясь, что отчаянный вернется, вновь пролетит мимо «Пирамидома» и еще раз бросит тень на окно. Человеку, которого все зовут Мертвый, не с кем обсудить увиденное, поэтому он просто стоит, молчит и улыбается.

ГЛАВА 1

АНКЛАВ: МАРСЕЛЬ

ТЕРРИТОРИЯ: 7-Й РАЙОН

БОЛЬШАЯ КОМНАТА БЕЗ ОКОН

**ЧАСТО БЫВАЕТ ТАК, ЧТО ЛИШЬ ДЕМОНСТРАЦИЯ СИЛЫ
ПОЗВОЛЯЕТ ТОЧНО ВЫРАЗИТЬ СВОЮ ПОЗИЦИЮ
ПО ТОМУ ИЛИ ИНОМУ ВОПРОСУ**

— Ты — легенда! — жарко произнес Восемьдесят Три.
«Я знаю...»

— Люди прислушиваются к тебе, — поведал Шестьдесят Девять. — Разные люди с разных континентов.

«Это называется уважением».

— Тебя любят во всем мире, — поддержал коллег Тринадцатый.

Льстивые слова с неестественным грохотом отскакивали от высокого потолка конференц-зала, от гладких стен недоразвитого голубого цвета, от прилепленного на высоте человеческого роста коммуникатора. Отскакивали и ядовитыми шариками летели в сидящего во главе стола мужчину.

— Ты — воплощение неукротимого духа Поэтессы, воплощение нового мира...

— Черт побери, Сорок Два, ты и есть новый мир!

Последнюю реплику, «не сдержавшись», бросил Двадцать Пять. Вежливый и хитрый китаец, обычно — самый молчаливый из лидеров dd.

«Кажется, ребята, я вас здорово достал!»

Сорок Два пристроился на краешке удобнейшего кресла, разработанного самыми дорогими дизайнерскими головами планеты для самых дорогих задниц планеты: массаж, подогрев, любая форма, настоящая кожа, настоящее, нейрошланг ему в корни, дерево и хромированные железяки

наилучшей пробы. Возможно, если нажать кнопку, кресло сварит кофе или споет колыбельную. Возможно, кресло умеет что-то еще, но Сорок Два плевать хотел на работающую мебель. Он сидел на краешке, прижимаясь грудью к столу и сложив перед собой руки. Голова опущена. Взгляд упирается в пальцы. Удобная поза для отталкивания ядовитых шариков проникновенных слов.

— Двадцать Пять правильно сказал: Сорок Два и есть новый мир! Он сотворил настоящее чудо!

«Это наука, придурок, просто наука! Я не занимаюсь чудесами».

А еще Сорок Два совсем не походил на сытого и важного верхолаза, для задницы которого разрабатывалось великолепное кресло. Непримечательный, усталый на вид мужчина лет сорока, одетый в дешевую синтетическую рубашку, мятые штаны и грубые армейские ботинки. Голова гладко выбрита. Заурядное лицо лавочника или мелкого служащего, обремененного детьми и кредитами. Мешки под усталыми, слегка воспаленными глазами. Бледная кожа. На вид — типичный неудачник.

— Ты — наше знамя.

«Не знамя, а щит! За мной вы прячетесь, когда вас называют так, как должны».

— Я пересек половину Земли, чтобы увидеть тебя.

— Братя, давайте не будем хвастаться стоимостью билетов, — предложил Тринадцатый. — Сорок Два прекрасно осведомлен, откуда прибыл каждый из нас.

Последняя реплика прозвучала полушутливо. Но именно — полу-. Доля раздражения, хорошо различимого в голосе Тринадцатый, отразила настроение всех метателей ядовитых шариков: выбранная Сорок Два манера поведения сбивала с толку. Лидеры всемирной организации наемников ждали, что «их знамя» хоть как-то отреагирует на лесть, были уверены, что слова не пропадут, что заполнят липкой гадостью душу, однако Сорок Два отмалчивался.

«Мучайтесь, нейрошланги вам в задницу, мучайтесь!»

— Надеюсь, ты понимаешь, для чего мы собрались? — деликатно поинтересовался Двадцать Пять. Вежливый

китаец руководил дальнеазиатским кустом dd, объединяющим Китай, Юго-Восточную Азию, Австралию с Новой Зеландией, и считался самым осторожным лидером сообщества.

— С удовольствием послушаю, — не поднимая головы, ответил Сорок Два. — Мне же просто приятно вас видеть.

Это были первые слова, произнесенные им с начала встречи.

— Необходимо обсудить твою тактику, — хмуро произнес контролирующий европейский куст Шестьдесят Девять. — Она кажется непродуманной.

Резкая смена тональности, от цветастой лести к мрачной деловитости, на Сорок Два не подействовала — он просчитал все варианты развития разговора.

— Твои действия опасны, — грубовато уточнил представляющий Северную Америку Тринадцать.

— Много вреда, — кивнул Пятьдесят Семь, в зоне ответственности которого находились Индия и Средняя Азия.

— Много шума, — добавил Девяносто Один, куратор Ближнего Востока и Африки.

— Ненужного шума, — пояснил Тринадцать. — В результате к нам проявляют гораздо больше внимания, чем хотелось бы. Трудно договариваться с нужными людьми. Страдает дело.

«Какие обтекаемые фразы!»

— Бизнес, — поправил американца Сорок Два. — Страдает бизнес.

Он оторвал взгляд от пальцев и медленно, задерживаясь на каждом лице, оглядел собеседников. Никто не отвернулся. Никто не отвел взгляд. Лидеры dd смотрели на Сорок Два уверенно и спокойно. Они считали себя правыми.

«Да как же так, братья? Мы ведь вместе начинали!»

— Хорошо, — согласился Тринадцать. — Называй это бизнесом. Хотя я не понимаю разницы.

— Хвост вертит собакой, — едва слышно объяснил Сорок Два, вновь опуская голову. — Вот в чем разница.

— Нет, — не согласился Двадцать Пять. — Просто собака попробовала мясо, и оно ей понравилось.

— Получается, вы и есть знаменитые подружки Сорок Два? — поинтересовался Фрэнк Дьюки, пристально изучая девушек.

— Ага, — невозмутимо ответила Ева Пума.

— Они самые, — подтвердила Красная Роза, не открывая глаз.

Рыжая девушка утонула в большом кресле и, казалось, спала, однако указательный палец ее правой руки елозил по подлокотнику, терзая вживленную в подушечку «мышку» — Красная пребывала в сети. А вот Пума была не прочь побеседовать.

— Нравимся? — И кашлянула, вежливо прикрыв рот тонкими пальчиками с идеально ухоженными ногтями.

Дьюки хмыкнул:

— Типа того.

В Марсель руководители dd явились в сопровождении многочисленных помощников, телохранителей и секретарей. Некоторые прихватили даже личных поваров — все они не так давно были нищими машинистами, но ведь к роскоши быстро привыкаешь? Однако непосредственно на встречу руководители сообщества договорились взять не более двух сопровождающих, поэтому в большой комнате, вплотную примыкающей к конференц-залу, коротало время четырнадцать человек: двенадцать мужчин и две женщины. Травили анекдоты, лениво обсуждали новости, пили кофе, периодически выдавливая пластиковые стаканчики с черным из примостившегося в углу пузатого автомата. Оружие на вид не выставляли, все-таки все свои, — однако «дыроделы» нет-нет да мелькали из-под полы пиджака или задравшейся ветровки, напоминая, что ребята на службе.

— Вы не выглядите опасными, — заметил Фрэнк, откровенно разглядывая длинные ноги Евы. — Скорее сексуальными.

Прислушивающиеся к разговору качки весело переглянулись.

— Мы с Красной много чего умеем, — спокойно ответила Пума. — Можем трахаться, а можем и трахать. По обстоятельствам.

— Всегда на пару работаете?

— Частенько.

— Нам покажете?

— Мы не по вызову, парень. — На губах Евы заиграла легкая улыбка. — Обслуживаем только владельцев сезонных абонементов.

— И сколько их?

— Один.

— Не скучно?

— Нам хватает.

Фрэнк держался, не переходил грань, отделяющую неприятные уколы от прямого оскорбления, но и не отдалялся от нее. Готовит скандал или демонстрирует дурной характер?

— Не хочешь поискать кого-нибудь получше?

— Времени жалко. — Пума подалась вперед, снова кашлянула и едва слышно прошептала: — Не обломится, Дьюки, даже не рассчитывай.

От нее пахло «Сладким миражом» — восемьсот пятьдесят динаров за двадцать пять миллиграммов, — духами, которыми баловались только жены верхолазов.

— Не нравлюсь?

— Не заводишь.

Красная усмехнулась. И вновь — не открывая глаз. Все ее внимание было сосредоточено на работе в сети.

Здание, в котором совещались лидеры dd, прикрывали отличные машинисты, работающие на отличном «железе». Они контролировали все входы и выходы, управляли каждой лампочкой и розеткой, всей аппаратурой, включая грузики для раздвигания штор. Они видели все помещения (за исключением конференц-зала), однако не разглядели несколько программ, которые Красная отправила во внутреннюю сеть дома. Программ, написанных настоящим гением.

— Тебя называют террористом!

— Я беру только то, что мне нужно!

— Все, что тебе нужно, ты должен брать у нас!

- Вы отрезали меня от ресурсов!
- Слишком много смертей, брат!
- И много полиции на хвосте?
- Да, слишком много.
- Мешает бизнесу?
- Из-за тебя нейкистов считают убийцами!
- А из-за вас — бандитами!
- Тебе придется ответить.
- Я пришел не на суд!
- Ты пришел, потому что мы потребовали!

Ядовитые шарики не поразили Сорок Два, зато отравили атмосферу. От благодушного настроения, которое лидеры dd изображали в начале совещания, не осталось и следа. Сорок Два стоит, опираясь руками о стол, напротив — взъерошенный Тринадцатый, красный и потный. Шестидесять Девять на стороне американца, застыл рядом и яростно таращится на неуступчивого Сорок Два. Восемьдесят Три и Двадцать Пять вяло пытаются вернуть разговор в конструктивное русло, но получается не очень. Девяносто Один нервно рассказывает за спинами ругающихся коллег. Спокойствие сохраняет лишь Пятьдесят Семь: сидит в кресле, едва заметно постукивая пальцами по столешнице, то ли не знает, чью сторону принять, то ли наоборот: все давно решил и не хочет тратить время на бессмысленные вопли.

— Мы не хотим никого обвинять, — примирительно произнес Двадцать Пять, мягко оттирая взбешенного Тринадцатый в сторону. — Мы хотим обсудить ту непростую ситуацию, что сложилась...

— Из-за него! Сорок Два пошел против всех!

— Бред!

Двадцать Пять вздохнул:

— К сожалению, брат, Тринадцатый в чем-то прав.

Сорок Два хмыкнул, провел рукой по бритой голове, и в его взгляде мелькнуло... разочарование? Да, именно разочарование. Сорок Два понял, какая пропасть отделила его от тех, кого он все еще называл братьями.

— Ты даешь новое, но ты торопишься, — негромко продолжил Двадцать Пять. — Ты забыл, что мы тоже работаем

над становлением Эпохи Цифры. Ты забыл, что победу может принести не только лихая атака. Мир сложен, а потому необходимо договариваться. Год назад книгу Поэтессы разрешили в Исламском Союзе...

— Под моим давлением!

— Нет, — скривился Шестьдесят Девять. — Ты едва все не испортил.

— Книгу разрешили потому, что верхолазы поняли: нет ничего страшного в том, чтобы машинист читал Поэтессу, — улыбнулся Двадцать Пять. — И еще они поняли, что все машинисты читали Поэтессу.

— Верхолазы не дураки, они понимают, что Эпоха Цифры уже настала и сопротивляться бесполезно, — добавил Шестьдесят Девять.

— Но они по-прежнему верхолазы.

— А разве смена эпохи всегда сопровождается революцией? — удивленно поднял брови Девяносто Один.

— Нет, — прищурился Сорок Два. — Если оставить у власти верхолазов, все пройдет тихо.

— Вот видишь.

— Только новая эпоха не наступит.

Девяносто Один вздохнул.

— Почему ты не можешь смириться с тем, что война закончилась? — поинтересовался Двадцать Пять.

— Потому что она еще не начиналась.

— Брат наш Сорок Два не понял, что Поэтесса дала не путь, но направление, — громко произнес Восемьдесят Три. — Он следует букве...

— Хватит нести чушь! — рявкнул Шестьдесят Девять и тяжело посмотрел на Сорок Два. — Мы хотим сказать, что террористические методы нас задолбали. Пора, черт бы тебя побрал, повзрослеть!

Тринадцать кивнул, подтверждая слова Шестьдесят Девять, однако внимательный наблюдатель смог бы разглядеть в глазах американца беспокойство: тридцать секунд назад Тринадцать отправил приказ на захват несговорчивого Сорок Два, однако врываться в конференц-зал бойцы почему-то не торопились.